

anything more. Except victory. It
 'I don't know.'
 'It has to be one or the other.'
 'I don't believe in victory any more.'
 'I don't. But I don't believe in defeat. Though it may be
 better.'
 'What do you believe in?'
 'In sleep,' I said. He stood up.
 'I am very sorry to have stayed so long. But I like so to
 talk with you.'
 'It is very nice to talk again. I said that about sleeping,
 meaning nothing.'
 We stood up and shook hands in the dark.

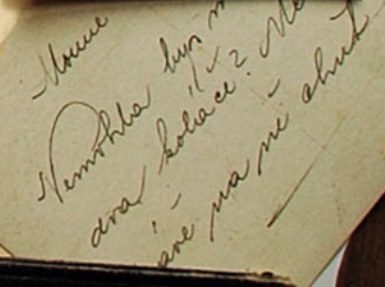
care
 had gr
 tain am
 There wou
 Austrians were s
 We were supposed to
 up any new troops so
 was scarce and he would be
 ria. What kind of supper had he
 that would be wonderful. He was special
 the dolce*. I did not describe it in detail, or

ГЕНРИ ЦВИ ЛОТАН,
 ВЛАДИМИР ШПИЛЬРАЙН

Под научной редакцией Ф. Р. Филатова

ЗА КУЛИСАМИ ПСИХОАНАЛИЗА

Неизданные дневники
 и письма Сабины Шпильрейн,
 ученицы К. Юнга и З. Фрейда

ББК 88.1(2)61-736 + 88.1(2)

УДК 159.964.2

Л80

Лотан, Г. Ц.; Шпильрайн, В. Э.

Л80 За кулисами психоанализа. Неизданные дневники и письма Сабины Шпильрейн, ученицы К. Юнга и З. Фрейда / Г. Ц. Лотан, В. Э. Шпильрайн. — Санкт-Петербург : Издательско-Торговый Дом «Скифия» ; Восточно-Европейский Институт Психоанализа, 2023. — 584 с., ил.

Данное издание, впервые в России, представляет дневники и письма выдающегося российского и советского психоаналитика и педолога Сабины Николаевны Шпильрейн, ученицы К. Юнга и З. Фрейда, автора целого ряда всемирно признанных работ по психоанализу. Помимо исторического интереса, книга может быть полезна как живое свидетельство поэтапного развития молодого психоаналитика в самобытного ученого, пионера европейского и российского психоанализа. Издание снабжено справочным аппаратом и научными комментариями.

ISBN 978-5-00025-300-7

Издательство благодарит проф. Михаила Михайловича Решетникова за кураторскую и консультационную помощь, оказанную при подготовке данного издания.

© Шпильрайн В. Э., составление, иллюстрации (фотоархив), 2020

© Лотан Г. Ц., составление, предисловие, комментарии, 2020

© Филатов Ф. Р., предисловие, научная редакция, комментарии, 2020

© АНО ВО «Восточно-Европейский Институт Психоанализа», ООО «ИТД «Скифия»», 2023

© Оформление. ООО «Издательско-Торговый Дом «Скифия»», 2023

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Сабина Николаевна Шпильрейн: судьба, легенда, наследие.</i>	
<i>Предисловие научного редактора</i>	6
<i>Предисловие Генри Цви Лотана</i>	39
<i>Сокращения</i>	43
<i>Вступление</i>	44
<i>Комментарии к русской переписке Сабины Шпильрейн</i>	92
РУССКИЙ ДНЕВНИК САБИНЫ ШПИЛЬРЕЙН	116
ПИСЬМА	211
Письма от Сабины ее матери и другим	212
Письма от Николая Шпильрейна дочери	223
Письма от Евы Шпильрейн дочери	279
Письма от родственников Павла Шефтеля к Сабине	424
Письма от Яна Шпильрейна к Сабине	427
Письма от Исаака (Оскара) Шпильрейна к Сабине	447
Письма от Эмиля Шпильрейна к Сабине и другим	452
Письма от Павла Шефтеля к Сабине и родителям	473
Письма от бывших друзей Сабины из Бургхёльцли	511
Письма от Евгении Сокольникови	511
Письма от Ревекки Тер-Оганесян	517
Письма от Эстер Аптекман	527
Письма от С. Моргенштерн	530
Письма от Р. Клейнер	532
Письмо от З. Фрейда	534
Открытка от Юнга Сабине	535
Письма неизвестных авторов	536
Письмо М. И. Шпильрейн доктору Г. Ц. Лотану	551
<i>Послесловие</i>	553
<i>Хронология жизни С. Н. Шпильрейн-Шефтель</i>	562
<i>Список литературы</i>	572

САБИНА НИКОЛАЕВНА ШПИЛЬРЕЙН: СУДЬБА, ЛЕГЕНДА, НАСЛЕДИЕ

Предисловие научного редактора

*И все к небытию стремится,
Чтоб бытию причастным быть.*

Психологический смысл этих строк из стихотворения Гёте «Одно и все» был раскрыт в теории деструкции, созданной в начале XX века, затем основательно забытой и получившей широкую известность лишь на заре нашего столетия. Аналогичная судьба постигла создательницу этой теории. Впрочем, все по порядку. Начнем с самого начала.

В 1885 г. по рекомендации Эрнста Брюкке и при поддержке Теодора Майнерта основатель психоанализа Зигмунд Фрейд был избран приват-доцентом неврологии Венского университета. В том же году при Императорском Московском университете основано Московское психологическое общество. Его членом вскоре станет великий русский писатель граф Лев Николаевич Толстой, работавший в этот период над повестью «Смерть Ивана Ильича» — одним из самых глубоких и пронзительных произведений об опыте умирания и осмысления смерти. 1885 год ознаменован еще одним событием, имевшим огромное значение для психоанализа, российской психологии и будущих исследований влечения к смерти и деструктивного начала в человеке.

25 октября (7 ноября по новому стилю) 1885 г. в Ростове-на-Дону появилась на свет легендарная личность, в силу драматических перипетий судьбы и неординарности ставшая яркой символической фигурой в истории российского и международного психоаналитического движения. Прославилась она и как героиня ряда литературных произведений, пьес и кинофильмов, способствовавших некоторой мифологизации ее персоны. Ее звали Сабина Николаевна Шпильрейн¹. Она сделалась

¹ В замужестве Шефтель, затем Шпильрейн-Шефтель.

известна научному миру, прежде всего, как автор оригинальной и новаторской для своего времени теории деструкции, предвосхитившей учение Зигмунда Фрейда о влечении к смерти и отраженной в статье «Деструкция как причина становления» (1912) [7]. К сожалению, заслуженное признание и мировая слава пришли к ней спустя много лет после смерти, и едва ее имя вернулось из забвения, как на него легла тень давнего скандала. Это поначалу помешало оценить по достоинству научные достижения Шпильрейн и ее самобытный вклад в психоанализ.

Со временем удивительная и глубоко трагичная история жизни Сабины Шпильрейн очистилась от элементов мифологии и скандальной хроники. А благодаря переизданию трех десятков ее научных работ сквозь все искажения и напластования постепенно проступил образ незаурядно одаренной женщины, влюбленной в психоанализ не меньше, чем в своего легендарного психотерапевта и учителя.

Что можно сегодня рассказать о ней?

Сабине Шпильрейн суждено было стать одной из первых женщин-психоаналитиков, ученицей и коллегой Карла Густава Юнга (с которым ее связывали психотерапевтические и эмоционально-значимые отношения), Эйгена Блейлера и Зигмунда Фрейда. Она — редкий случай! — смогла соединить в своем научном мировоззрении и наследии идеи двух антагонистов-патриархов глубинной психологии, Юнга и Фрейда, поддерживая отношения с обоими в период их разрыва и конфронтации, когда психоанализ оказался расколот на противоборствующие лагеря. Интегрируя в своей научной работе тенденции развития психоанализа в Австрии, Швейцарии и России, Шпильрейн состояла в трех психоаналитических обществах: Венском (1911–1922), Женевском (1922–1924) и Русском (с 1924 г. до момента ликвидации общества). Она внесла значительный вклад в становление теории и практики психоанализа и глубинной психологии в целом, оказала влияние на психологию развития, психологические исследования

мышления и речи в детском возрасте, психоаналитические исследования шизофрении и т.д.

Научное наследие и биография Сабины Шпильрейн на протяжении последних сорока лет находились в фокусе кропотливого изучения, привлекая внимание психологов и историков психологической науки из разных стран. После того, как в 1977 г. в подвале Женевского Института Жан-Жака Руссо были обнаружены ее архивы, а в 1980 г. вышла в свет монография итальянского исследователя Альдо Каротенуто «Дневник тайной симметрии. Сабина Шпильрейн между Юнгом и Фрейдом» [15], эта выдающаяся женщина постепенно заняла свое достойное место в истории психоанализа.

Сабина Николаевна Шпильрейн родилась в еврейской семье, ориентированной на светский образ жизни, всестороннее образование и научное мировоззрение. Ее родители следовали традициям Хаскалы — еврейского Просвещения. Отец Сабины Николаевны Николай Аркадьевич Шпильрейн (1861–1938) был преуспевающим коммерсантом, а мать Ева Марковна Шпильрейн, урожденная Люблинская (1863–1922), какое-то время вела медицинскую практику как врач-стоматолог. Отец Евы Марковны и дедушка Сабины Николаевны Мордехай Люблинский был глубокоуважаемым раввином в Екатеринославе. Воистину харизматическая личность, он стал героем множества легенд; в частности, имели хождение удивительные истории о его способности к ясновидению. Так, согласно легенде, он предсказал дату собственной смерти, из чего следовало, что он вовсе не умер, а попрощался и ушел к Богу, который призвал его [4].

Кроме Сабины, старшей дочери, семья Шпильрейн дала миру трех одаренных ученых: сыновья Николая и Евы — Ян Николаевич (1887–1938), Исаак Николаевич (1891–1937) и Эмиль Николаевич (1899–1938), подобно сестре, добились заметных успехов на научном поприще. Младшая дочь семейства, Эмилия (1895–1901) умерла от тифа в раннем детстве.

Николай Аркадьевич Шпильрейн был высокообразованным, интеллигентным человеком, свободно изъяснялся на

*Семья Николая и Евы Шпильрейн, ок. 1896.
Сабина Шпильрейн (в шляпке) в нижнем ряду слева*

нескольких европейских языках и отличался музыкальной одаренностью. Как многочисленные мужчины его поколения, он последовательно прошел два этапа обучения, традиционно-религиозный и светский. Его отличали широкий круг естественнонаучных и гуманитарных интересов и влюбленность в немецкую культуру, которая передалась старшей дочери. Именно он ввел в число важнейших семейных принципов разностороннюю образованность и разнонаправленную интеллектуальную активность; неудивительно, что все его дети, дожившие до взрослого возраста, стали незаурядными учеными. Сохранилось показательное письмо уже пожилого Николая Шпильрейна осужденному сыну Исааку на его день рождения от 26 мая 1937 г. (в конце года Исаак был расстрелян). Даже пережив страшное горе, Николай Аркадьевич не утратил потребность в интеллектуальных занятиях и в своем письме, не упомянув ни о дочери, ни о внуках, он, главным образом, обсуждал методику преподавания арифметики в школе.

В личном общении Николай Шпильрейн был человеком сложного характера. Его отличали хроническое переутомление, нервозность, склонность перегружать себя работой, доходя до полного упадка сил и подавленного состояния. Он страдал от перепадов настроений и тяжело сходилась с другими людьми, часто проявлял вспыльчивость и неврастеническую раздражительность [4].

Мать Сабины Николаевны Ева Марковна была исключительно одарена. Отец Евы раввин Люблинский возлагал на нее большие надежды. Он стремился обеспечить ей блестящее образование и, невзирая на то, что это делало его положение в общине уязвимым, отправил свою дочь в христианскую гимназию и настоял на том, чтобы она посещала университет. Столь основательное женское образование было малохарактерным для того времени [там же].

Николай и Ева Шпильрейны идентифицировали себя с русской культурой, русифицировали свои имена, а в домашней обстановке называли друг друга «Коля» и «Маша». У них

сложились прочные партнерские отношения, причем распределение ролей и свобода в принятии решений соответствовали традициям просвещенной буржуазной семьи. Оба стремились жить и воспитывать детей в атмосфере, насыщенной разносторонними научными и культурными интересами. Но уже на раннем этапе брака между ними стали возникать разногласия — в частности, по религиозным вопросам. Со временем противоречия усугубились, что нередко выливалось в затяжные семейные сцены, игнорирование друг друга, ссоры по поводу детей [4].

Поначалу семья Шпильрейн, располагавшая немалым состоянием, жила в арендованных квартирах, а в 1897 г. переехала в собственный дом по адресу: Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 83.

Биограф Шпильрейн Сабина Рихебехер определяет эпоху, на которую пришлось детство нашей героини, как «нервное время». Настоящим бичом Европы в этот период становится истерия, поражающая не только темные, подверженные суевериям народные массы, но и высшие слои общества. Ее не удается списать, как это было принято тогда, на дегенерацию и нарушения мозговой деятельности; она обнаруживает не до конца понятную связь с детским опытом человека и не поддается излечению традиционными медицинскими методами. Смелый ученый, новатор своей эпохи Зигмунд Фрейд, преодолевая застарелый предрассудок «Истерия — это женская болезнь», находит ее характерные проявления и у мужчин. Его доклад «Об истерии у мужчин» (1886) вызывает резко отрицательную реакцию венских коллег, ортодоксально настроенных физиологов и врачей. Несмотря на фактическую профессиональную изоляцию, Фрейд не откажется от своих идей и спустя семь лет в соавторстве с Йозефом Брейром обобщит их в работе «Исследования истерии».

В 1886 г. выдающийся швейцарский психиатр Эйген Блейлер становится руководителем психиатрической клиники Райнау, из которой через двенадцать лет перейдет в Бургхельцли, куда

*Доходный дом Е. М. Шпильрейн.
Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 83*

и будет госпитализирована юная Сабина Шпильрейн. В том же 1886 году Рихард фон Крафт-Эбинг публикует знаменитую работу «Половая психопатия» (*Psychopathia Sexualis*), одно из первых систематизированных исследований сексуальных девиаций (эта книга заложила основы сексологии и сексопатологии), а Зигмунд Фрейд оканчивает стажировку в клинике Сальпетриер в Париже у прославленного французского невролога, психиатра и гипнолога Жана Мартена Шарко. Под впечатлением от ярких, артистических клинических демонстраций профессора Шарко Фрейд формулирует важнейшие гипотезы, эмпирическая проверка которых приведет его позднее к созданию собственной теории бессознательного психического. В этот период французский невропатолог и психолог Пьер Жане, у которого впоследствии будет стажироваться Карл Густав Юнг, проводит исследования истерического паралича, готовит к печати работу по психическому автоматизму и создает концепцию низших и высших психических функций.

Полтора десятилетия назад в обиход вошло понятие «психотерапия», и еще долго это занятие будет оставаться отнюдь не престижным и неблагодарным делом энтузиастов-одиночек. Психиатрия переживает расцвет, определяет собственный категориальный аппарат, и уже предпринимаются первые попытки ее гуманизации. Но основополагающее руководство для психиатров Эмиль Крепелин опубликует только в следующем десятилетии. Постепенно складываются предпосылки психоанализа, однако Фрейд с его страшим другом и коллегой Йозефом Брейром все еще увлечены вопросами терапевтического применения гипноза.

Дух времени ощущается и в семействе Шпильрейн. Позднее, проясняя анамнез своей эксцентричной пациентки с юга России, Карл Густав Юнг придет к заключению, что ее родители, в особенности, отец, были подвержены истерии. Детство Сабины Николаевны прошло под знаком неординарной одаренности и семейного благополучия.

Сабина Шпильрейн уже в детском возрасте проявляла богатое воображение, лингвистические и литературные способности, склонность к изучению языков, самопознанию и словесному творчеству, что отразилось в ее детских дневниковых записях, опубликованных в этой книге. Она была впечатлительной, ранимой девочкой с тонкой психической организацией и некоторыми странностями в поведении [4, 5, 12].

Помещенный ниже детский и юношеский дневник Сабины Шпильрейн, в котором она подвергает исследованию собственные фантазии, переживания, игры с братьями, эмоциональные отклики на различные события, представляет собой интересный для психолога человеческий документ. Это удивительный образец раннего интеллектуального развития и рефлексии. Подобно знаменитому юношескому дневнику художницы Марии Башкирцевой, он может многое рассказать о психологии неординарной творческой личности и ее становлении. Значимые моменты эмоциональной жизни семьи и приметы времени воссозданы в нем глазами ребенка и совсем юной девушки. Есть в дневнике Сабины Шпильрейн и материал, который заинтересует клинического психолога. И, конечно, этот текст оставляет простор для разнообразных психоаналитических интерпретаций. Одной из центральных и противоречивых фигур дневника стал отец, к которому девочка испытывала сильные и двойственные, амбивалентные чувства [4, 5].

В одном из писем Николай Шпильрейн обмолвился, что хотел бы быть мужественным и самоотверженным, чтобы его дети могли, как птицы, свободно «парить в небесах». Но, радея об их счастливом будущем, он был склонен к крайностям и перегибам. В соответствии с его радикальными представлениями о воспитании, в семье в зависимости от дня недели говорили на разных языках: немецком, французском, английском. Нарушения жестких правил сурово карались. Отец требовал от детей послушания и постоянных успехов в домашнем и школьном обучении, а вводимые им наказания порой носили садистический характер. Все это удерживало и без того впечатлительных детей

в состоянии хронического эмоционального стресса, а, возможно, и систематической когнитивной перегрузки. Дети боялись отца и при этом отчаянно бунтовали против его предписаний и запретов.

Крайне напряженная, патогенная атмосфера в семье, чрезмерные требования со стороны невзрачного отца семейства, истерики матери и суровые, порой жестокие наказания стали предпосылками острого юношеского кризиса Сабина Шпильрейн и развития у нее нервно-психического расстройства. Странности в поведении Сабины, ее капризы, эпатазирующие выходки и причудливые фантазии с каждым годом все больше настораживали [4].

Едва Сабина Шпильрейн, несмотря на конфликты с учителями и эксцентрично демонстрируемую нелюбовь к школярству, окончила с золотой медалью Екатерининскую гимназию в Ростове-на-Дону, обеспокоенный ее состоянием отец помещает дочь в швейцарский санаторий доктора Хеллера в Интерлакене. Она отправляется в Швейцарию с матерью. Однако пребывание Сабины в санатории было недолгим: спустя месяц, вымотав медицинский персонал разнообразными выходками и калейдоскопически меняющимися симптомами, она перенаправляется к прославленному исследователю головного мозга, врачу-невропатологу Константину Монакову, который, однако, отказывается взяться за ее лечение. Доведенная до паники, юная пациентка из России впадает в неконтролируемое состояние: плачет, истерично смеется, кричит, бьет посуду и просит отвезти ее в больницу. Наконец, по рекомендации доктора Рудольфа Биона, отчаявшиеся родственники, прибегнув к помощи санитарной полиции, доставляют Сабину Шпильрейн с сохранившейся «пугающей симптоматикой» во всемирно известную кантональную клинику Бургхёльцли в Цюрихе [там же].

Эйген Блейлер возглавил Бургхёльцли в 1898 г. Благодаря его усилиям клиника вскоре превратилась в наиболее авторитетный, инновационный и прогрессивный центр европейской психиатрии. Блейлер внес значительный вклад в понимание

психозов. Именно он в 1908 г. ввел в обиход понятие «шизофрения» вместо распространенного в те годы термина dementia praecox (раннее слабоумие), предложенного Эмилем Крепелиным. В честь выдающегося швейцарского психиатра шизофрению иногда называют «болезнью Блейлера». Кроме того, с его именем связана разработка таких важнейших для психиатрии концептов, как «аутизм», «аутистическое мышление», «амбивалентность», «амбитенденция» и др.

Благодаря плюрализму Блейлера, Бургхёльцли стала едва ли не первой клиникой, в которой была предпринята попытка внедрить в практику лечения психоаналитический метод Фрейда. Реализация этого новаторского проекта была поручена молодому, но уже зарекомендовавшему себя Карлу Густаву Юнгу, выдающемуся швейцарскому психиатру, психологу, психотерапевту и философу, который в будущем разработает прославленную теорию архетипов коллективного бессознательного и создаст собственное направление, альтернативное психоанализу З. Фрейда, — аналитическую психологию.

Юнг приступил к работе в клинике сразу же после окончания медицинского факультета Базельского университета. В 1902 г. он защитил докторскую диссертацию под названием «К психологии и психопатологии так называемых оккультных феноменов». Блейлеру и Юнгу, двум великим умам XX в., предстояло стать не только лечащими врачами, но и учителями Сабини Шпильрейн.

В этот период К. Г. Юнг модифицировал ассоциативный тест — известный благодаря работам Френсиса Гальтона метод исследования вербальных (словесных) ассоциаций. Предложенная Юнгом клиническая модификация этого теста позволяла эмпирически выявлять бессознательные эмоционально заряженные комплексы и аппаратно регистрировать связанные с ними подавляемые аффекты. После сбора анамнеза Юнг выяснил, что госпитализированная девушка фиксирована на фигуре отца и испытывает к нему амбивалентные, т.е. внутренне противоречивые чувства: «любовь с болью». Она

рано начала проявлять повышенный интерес к темам сексуальности и смерти, не раз устраивала стычки с матерью. После помещения в клинику продолжают ее столкновения с медперсоналом.

Это был первый психоаналитический случай в практике Юнга.

Следует отметить, что в больничной карте Сабины Шпильрейн, составленной Юнгом после ее поступления в клинику, отсутствовал окончательный диагноз — он был поставлен *post factum*, т.е. стал результатом более поздних клинических обобщений. В работе с Сабиной Шпильрейн Юнг, вероятно, фокусировался, главным образом, на переживаниях, фантазиях и навязчивых образах юной пациентки как на материале для кропотливой проработки, предпочитая классическим принципам диагностики новое аналитическое виденье, а естественнонаучному объяснению — описание и понимание. Возможно, при постановке диагноза Юнг испытывал некоторые колебания или предпочитал воздерживаться от традиционных медицинских ярлыков. А быть может, имела место и «вынужденная небрежность»: поведение пациентки было настолько вызывающим и непредсказуемым, что ее молодому врачу пришлось полностью сосредоточиться на взаимодействии с ней, в силу чего он меньше времени уделил формальным моментам и документации. Позднее Э. Блейлер с целью уточнить статус пациентки своей клиники напишет медицинское свидетельство, в котором отметит, что Шпильрейн проходит лечение «из-за нервозности с симптомами истерии» [4].

По поводу диагноза Шпильрейн долгие годы не утихали споры; однозначность в понимании природы и динамики заболевания легендарной российской пациентки так и не была достигнута. Неопределенность диагноза оставляет простор для интерпретаций. Одни биографы склонны рассматривать психическое состояние Сабины Шпильрейн как очевидное проявление патологии ее характера (истерическое расстройство), другие убеждены, что ее симптоматику следует считать не чем

иным, как юношеским кризисом «спутанной идентичности», отягощенным наследственными и биографическими патогенными предпосылками. Причем этот кризис был творчески прожит Сабиной Шпильрейн и обернулся для нее личностной трансформацией [4, 5]. Отметим, что в эпоху Блейлера и Юнга еще не было сформировано современное представление о юношеском кризисе и о «диффузии идентичности», характерной для этого возраста; оно появится в трудах Эрика Эриксона [10] гораздо позднее, уже во второй половине XX в¹. Тем не менее, очевидно, что, некоторое время колеблясь с определением окончательного диагноза (случай Шпильрейн явно не представлялся им таким уж однозначным), Блейлер и Юнг практически сразу же поняли, что имеют дело с девушкой незаурядно одаренной и склонной к углубленным занятиям медициной. Вот почему вскоре Сабина стала активно участвовать и ассистировать в ассоциативных экспериментах и др. исследованиях, проводившихся в клинике, помогала врачам в уходе за пациентами и была рекомендована к обучению на Медицинском факультете Цюрихского университета с оговоркой Блейлера, что заболевание, от которого она лечилась в Бургхёльцли, не будет препятствовать освоению профессии. Мог ли столь опытный и авторитетный психиатр, как Эйген Блейлер, допустить к своим пациентам в стационаре девушку с психотическим расстройством? Стал бы он по-отечески благословлять ее на обучение психиатрии (!), если бы считал, что ее болезнь носит тяжелый эндогенный характер? Логичнее предположить, что Блейлер и Юнг распознали выдающееся дарование Шпильрейн и поспособствовали ее профессиональной самореализации.

По-прежнему затруднительно составить четкое представление о характере психоаналитической терапии, которую Юнг,

¹ В работе «Молодой Лютер» (1958) Э. Эриксон, в частности, отмечал, что кризис идентичности, проживаемый личностью экстраординарной, нередко принимает нетипичные и тяжелые формы; эта сложная внутренняя «борьба за синтез», требующая мобилизации всех психологических сил, может по своим внешним проявлениям напоминать патологический процесс [11].

новичок в этой сфере, организовал для своей российской пациентки. Известно, что длительные беседы, прогулки по парку клиники чередовались с сеансами, в ходе которых Юнг применял разработанный им ассоциативный тест. Так или иначе, Сабина оказалась вырвана из патогенной семейной среды и попала в атмосферу, насыщенную новыми научными идеями, что благотворно повлияло на ее душевное состояние и дальнейшее развитие. Можно с уверенностью сказать, что центральным фактором исцеления Сабины Шпильрейн стали ее терапевтические (аналитические) отношения со своим врачом.

Впрочем, допустимо поставить вопрос о том, насколько терапевтическими в современном понимании были отношения Юнга и Шпильрейн с самого начала их межличностного взаимодействия и насколько то, что в работе с Сабиной Николаевной апробировал Юнг, соответствовало понятию «психоаналитическая терапия» со всеми нюансами сеттинга, рабочего альянса и проч. Представления об аналитической технике в тот период еще только складывались. Юнг, находившийся вдали от Венского кружка Фрейда, едва ли был в полной мере информирован об этих первоначальных методологических разработках. Он имел исключительно клиническую, психиатрическую практику, а это принципиально иной формат отношений с пациентами. О психоанализе Юнг знал только из научных публикаций, собственный тренировочный анализ он, разумеется, не проходил (это условие подготовки аналитиков было введено позднее, в частности, по его инициативе), да и сотрудничество с Фрейдом установилось лишь через год посредством переписки, начатой уже по итогам лечения российской пациентки. Вероятно, центральным моментом аналитической работы Юнга с Сабиной Шпильрейн стал не классический метод свободных ассоциаций с традиционной кушеткой, а аппаратный и лабораторный по своей сути ассоциативный тест, что позволяет предположить скорее экспериментальный, исследовательский, чем собственно терапевтический характер проводившихся Юнгом процедур. *Post factum* начинающий аналитик представил

этот импровизационный эксперимент как лечение более тяжелого заболевания соответственно с более ярким и выраженным эффектом, что, конечно, было очень лестно и важно для создания выигрышной репутации как молодого врача, так и все еще спорного метода.

В любом случае, результаты экспериментального применения аналитического подхода в лечении эксцентричной девушки из России превзошли все ожидания Юнга: меньше чем через год, 1 июня 1905 г. курс психоанализа был успешно завершен, а терапевтический эффект четко выражен и очевиден. Юнг расценил это как свою первую крупную победу. Однако наряду с терапевтическим имел место и неожиданный побочный эффект, который Юнг, как начинающий аналитик, не мог предвидеть и заблаговременно устранить: пациентка влюбилась в своего женатого доктора, у которого к тому времени уже была годовалая дочь Агата.

С этого момента начинается новый этап в жизни Сабины Николаевны Шпильрейн, который ознаменовали любовь к К. Г. Юнгу, породившая столько мифов [17], и стремительный взлет вчерашней пациентки, в кратчайшие сроки достигшей удивительных высот в освоении «неженской» профессии психиатра и раскрывшей в себе склонность к научным изысканиям. Построенная ею в течение последующих шести лет научная и медицинская карьера — явление, достойное удивления как в контексте личной судьбы Сабины Шпильрейн, казалось бы, не сулившей ей ничего, кроме заточения в психиатрической клинике, так и в общем культурном контексте эпохи. Такое фундаментальное образование и научное продвижение молодой еврейской женщины было редкостью не только для царской России, но и для просвещенной Европы. В связи со столь ярким карьерным взлетом Сабину Шпильрейн называют в Швейцарии «пионером женского образования». За чудесным исцелением последовали: обучение на медицинском факультете Цюрихского университета (1905–1909), специализация в области психиатрии, психоанализа и педологии и, наконец,

защита докторской диссертации под руководством Э. Блейлера и К. Г. Юнга (1911). Отметим, что это была первая научная работа в истории психиатрии, посвященная психоаналитическому исследованию шизофрении (*dementia praecox*, в терминологии тех лет), и едва ли не первая диссертация такого профиля, защищенная женщиной. Но высшая точка этого взлета — написание и публикация (в 27-летнем возрасте!) новаторской статьи «Деструкция как причина становления»¹, которая стала важной вехой в развитии психоаналитической теории влечений. Итак, в возрасте 27 лет Сабина Шпильрейн стала доктором медицины, высококвалифицированным психиатром и одной из первых женщин-психоаналитиков.

Сказанное служит дополнительным аргументом в затянувшемся споре: «кризис или психоз». В частности, Сабина Рихебехер [4, 5], сторонница концепции юношеского кризиса Сабины Шпильрейн, пережитого ею в Бургхёльцли, утверждает следующее: «Такой ход событий свидетельствует, что Сабина ни в коем случае не была тяжело больной пациенткой, в чем нас пытаются убедить сегодняшние психоаналитики, например, Альдо Каротенуто, Бруно Беттельхельм или Макс Дей. Сабина смогла воспользоваться ситуацией в Бургхёльцли и поставить перед собой цели, соответствующие ее склонностям и одаренности. Ей удалось достаточно быстро преодолеть юношеский кризис» [5].

Трудно отрицать, что положение Шпильрейн в клинике и во время лечения, и после выписки было исключительным, для той эпохи не характерным, а отношение к ней Юнга и Блейлера — по-отечески покровительственным. И по окончании курса аналитической терапии Сабина Шпильрейн продолжала посещать Бургхёльцли; теперь юная студентка медицинского факультета активно участвовала в обходе больных и обсуждении клинических случаев. Постепенно ее терапевтические отношения с Юнгом переросли в ученичество и дружбу,

¹ Die Destruktion als Ursache des Werdens // Jahrbuch für psychoanalytische und psychopathologische Forschungen, 1912, 4:465–503 [6].

а дружба — в нежную эротически-окрашенную привязанность. Едва ли у нас есть фактологические данные, позволяющие с уверенностью сказать, что это было: любовь мужчины и женщины в привычном для нас понимании или платонический роман, в основе которого лежало крайне экзальтированное и идеализированное отношение совсем еще юной женщины к своему терапевту и учителю.

Сама Сабина Шпильрейн романтично называла свою любовь к Юнгу «поэмой». Уместно ли в этом контексте говорить о банальном злоупотреблении молодого врача своим положением? Согласимся с отраженной в этой книге точкой зрения Генри Цви Лотана [18]: скорее речь о спонтанно возникшей душевной и духовной близости между двумя незаурядными людьми, одинаково сильно увлеченными психоанализом, философией, мифологией, искусством, музыкой Вагнера. Возникает впечатление, что их загадочный «роман» стал своего рода продолжением этих увлечений: заимствовав из вагнеровской оперы имя мифического героя, Сабина вынашивает мечту родить Юнгу сына, который соединил бы в себе лучшие качества арийской и семитской рас, и назвать мальчика Зигфридом. Захваченная этим ницшеанским мифом, она существенно усложняет ситуацию, и Юнг, желая защитить свой брак и репутацию, предпочитает отмежеваться от столь сомнительной и темной истории, причем, как видно из его письма З. Фрейду, делает это достаточно жестко. Патриархи психоанализа и раньше обсуждали в письмах случай российской пациентки в достаточно фривольной манере, называя ее «малышкой». Теперь же Юнг преподносит происходящее как последовательное оболъщение, которому он вынужден противиться, опасаясь стать жертвой женского коварства и мести. Фрейд сочувственно откликается на жалобы младшего, «обжегшегося» товарища, призывая его мужественно и мудро сносить неизбежные превратности совсем еще молодого, опасного и сложного метода.

Затем скандалы, резкие выпады, сплетни, втягивание третьих лиц — родственников и коллег, и вот Сабина Николаевна

делает неожиданный шаг — она сама вступает в переписку с Фрейдом и вскоре примыкает к его Венскому лагерю. Возможно, оказавшись между двумя гениями глубинной психологии, она волею судьбы стала еще одним камнем преткновения в их постепенно назревавшем конфликте [16]. Хотя, как отмечал профессор В. И. Овчаренко, в ряде случаев вчерашняя пациентка вела себя мудрее прославленных ученых мужей [2].

В конце концов, страсти улеглись. Юнг признал, что оказался не на высоте, и его дружеские отношения с бывшей пациенткой и ученицей были возобновлены более безобидным способом — посредством переписки. Сабина Николаевна была принята в Венское психоаналитическое общество и вскоре зарекомендовала себя как одаренный ученый и оригинальный теоретик психоанализа.

Сабине Шпильрейн одной из немногих удалось поддерживать теплый и плодотворный контакт как с Юнгом, так и с Фрейдом уже после их разрыва, когда они расстались непримиримыми врагами. Она сохранила преданность своим великим учителям, ставшим яркими оппонентами, и не втянулась в конфликт, унаследованный последующими поколениями фрейдистов и юнгианцев. В ее научном мировоззрении концепции Фрейда и Юнга были интегрированы и дополняли друг друга.

Период с весны 1912 по осень 1913 гг. отмечен пребыванием в родном городе Ростове-на-Дону. Шпильрейн впервые дистанцируется и от Юнга, и от Фрейда, пытаясь выстроить собственную личную жизнь и автономию. 1 июня 1912 г. она вышла замуж за соотечественника, правоверного еврея, врача Павла Шефтеля. И хотя это замужество, в котором появились на свет две ее дочери, видимо, не принесло ей семейного счастья, оно подвело итог периоду бурного юношеского становления и одновременно положило начало более зрелой и поступательной самореализации: в науке, врачебной практике и... материнстве.

Первой научной работой Шпильрейн стала ее диссертация «О психологическом содержании одного случая шизофрении (*dementia praecox*)» (1911) [9, с. 3–85]. Она представляет собой сложное, стереоскопическое описание проделанной Сабиной Николаевной в Бургхёльцли терапевтической работы с интеллектуально развитой пациенткой, страдавшей шизофренией. Диссертация базируется на скрупулезных протоколах клинических бесед. Известно, что в период написания этой дебютной работы школа Блейлера разрабатывала новаторскую для своего времени теорию шизофрении (собственно именно тогда данное понятие и вводится Блейлером, как альтернатива *dementia praecox* — «раннему слабоумию» в распространенной формулировке Эмиля Крепелина). Если Крепелин фокусируется на ослаблении и распаде психических функций, характерном для этого заболевания, как и для любой разновидности деменций, то Блейлер привлекает внимание исследователей к специфической продукции страдающих этим заболеванием пациентов. В своем исследовании Шпильрейн осмысленно, как, по ее же выражению, следователь, вслушивающийся в каждое слово, подбирает особый способ группировки клинического материала и его «прочтения». Такой подход позволяет ей глубже понять переживания и образы пациентки, вместо того чтобы, пользуясь традиционной объяснительной схемой, свести их к какой-то внешней, скажем, органической причине. Так усилиями понимания (а не объективирующего объяснения) в далеких от обыденного смысла и, на первый взгляд, бессвязных речах проступают бессознательные конфликты пациентки. Диссертация Шпильрейн, с одной стороны, развивает идеи, намеченные ее учителем К. Г. Юнгом в работе «Психология *dementia praecox*» (1907), с другой стороны, предвосхищает и даже иллюстрирует концептуальные положения Карла Ясперса, сформулированные им спустя год после блестящей защиты Сабины Николаевны в статье «Феноменологическое направление исследования в психопатологии» (1912). Ясперс [14] предложил разграничивать симптомы объективные, предполагающие установление

каузальных связей и естественнонаучное объяснение, и симптомы субъективные, требующие от специалиста понимания на основе вчувствования — так в сферу психопатологии привносятся феноменология Э. Гуссерля и понимающая психология. Диссертация С. Н. Шпильрейн — одна из вех на пути обновления дискурса психиатрии и психотерапии; это убедительное исследование конкретного терапевтического случая и реальный пример новаторской работы по изучению психоза, основанной на понимании (как методе) и аналитическом подходе. Удивительный для того времени синтез! Все трое ее учителей — Юнг, Блейлер и Фрейд — с энтузиазмом встретили эту работу, и она была незамедлительно опубликована в авторитетном «Ежегоднике психоаналитических и психопатологических исследований».

Лето 1911 г. Шпильрейн проводит в Мюнхене, где изучает историю искусств и совершенствует свое музыкальное образование. В эти месяцы Сабина пишет объемную метапсихологическую работу, которая впоследствии сделает ее имя известным всему психологическому миру. Шпильрейн создает теорию, согласно которой сексуальное влечение состоит из двух антагонистических компонентов, причем один из них предполагает деструкцию, т.е. разрушение исходного состояния индивидуума ради его возрождения в новом качестве.

Статья, получившая название «Деструкция как причина становления», также была опубликована в «Ежегоднике психоаналитических и психопатологических исследований» в следующем 1912 г. Как и диссертация Шпильрейн, она насыщена клиническими наблюдениями автора и вместе с тем несет на себе заметный отпечаток ее гуманитарных пристрастий: многое в тексте непосредственно вдохновлено или навеяно музыкой Рихарда Вагнера и философией Фридриха Ницше. Тематика, глубоко осмысленная Шпильрейн в контексте учения о первичных влечениях, делает ее видной фигурой не только психоаналитического движения, но и русского Серебряного века, пронизанного сходными мотивами. Достаточно вспомнить

поэта-символиста и философа Вячеслава Иванова, который, будучи, очевидно, не знаком с исследованиями Шпильрейн, черпал вдохновение из того же ницшеанского источника при написании своей докторской диссертации «Дионис и прадиионисийство» (1921, опубл. в 1923), посвященной мистическому единству смерти и возрождения, оргиастического экстаза и разрушения в прадиионисийских катартических культах [1].

С октября 1911 по апрель 1912 гг. Сабина Шпильрейн, преодолевая эмоциональную зависимость от Юнга, проживает в Вене, вдали от недавних душевных драм. Здесь происходит ее личное знакомство с Зигмундом Фрейдом. Она принимает участие в заседаниях Венского психоаналитического общества и 11 октября 1911 г. становится его действительным членом.

25 ноября 1911 г. Сабина Шпильрейн выступает на очередном заседании Венского психоаналитического общества с докладом «Деструкция как причина становления», подготовленным на основе одноименной статьи. Реакция собравшихся на это сообщение оказывается весьма сдержанной. Вероятно, тезисы Шпильрейн остаются непонятыми, «темными», что спустя 8 лет отмечает Зигмунд Фрейд в сноске к статье «По ту сторону принципа удовольствия» (1920): он признает первенство своей ученицы в открытии деструктивного импульса, констатируя при этом, что ее «богатая содержанием» работа осталась для него недостаточно ясной [7].

В рамках своей оригинальной концепции деструкции С. Шпильрейн исследует проблематику разрушительных импульсов в принципиально иной перспективе, нежели Фрейд, восемь лет спустя предложивший (вероятно, под ее влиянием) понятие «влечение к смерти». При этом показательно, что Шпильрейн остается в поле фрейдовской терминологии и методологии, по-своему развивая теорию влечений. Концепция влечения к смерти получает завершенность в уже упомянутой программной статье З. Фрейда «По ту сторону принципа удовольствия» [7], где наиболее развернуто и аргументированно изложены идеи об исконном консерватизме первичных влечений,